

Ира курила на балконе и ждала дочь. На улице стояла непроглядная тьма, капал надоедливый дождик, а Ксюша дома всё не было. Час прошел, два. Сначала Ирина была спокойна, потом начала волноваться, она устала, завтра снова на работу, но заснуть тоже не могла, спустя еще час она нервно заходила по комнате, а потом словно отупела — не было мыслей, только где-то глубоко кипела злость.

Под утро хлопнула входная дверь, показалась Ксения. Она была пьяная, грязная, видимо, упала где-то, попыталась снять ботинки, но не удержалась и завалилась. Ирина наблюдала, как она мучается, и злость, до этого спрятанная где-то очень глубоко, начала прорываться, как вулканическая лава. Ире было стыдно и горько: это ее дочь копошилась сейчас, неопрятная, неуклюжая, и не могла снять обувь, а еще она прогуливала уроки, ругалась с учителями и даже стояла на учете в комиссии по делам несовершеннолетних за воровство. Но Ксюша жила по своим правилам и законам, и часто они шли вразрез с общепринятой моралью.

— Ты где была? — первые слова Ирины прозвучали слишком громко в тишине спящего дома.

— Мамочка, ты еще не спишь? А я гуляла, — язык заплетался, и девушка пугалась в словах.

— С кем ты гуляла? Где ты гуляла? Почему так поздно вернулась? — Ира злилась.

— А тебе какое дело? — агрессивно и надменно спросила дочь, — почему до этого ты не интересовалась мною, я тебе была не нужна, а сейчас вспомнила обо мне и вздумала учить. Мамочка, я уже взрослая, меня поздно учить, я все равно буду поступать так, как считаю нужным, и советовать с тобой не собираюсь!

— Ты так, значит! — взорвалась Ира, теперь к злости примешивалась и обида, — значит, я никто, не мать уже! Ничего сказать тебе не могу и не забочусь о тебе! А ты никогда не думала, что я на двух работах вкалываю, чтобы тебя одеть и обуять, что для меня самое главное — чтобы ты получила образование и хорошо устроилась в жизни?! Но я не виновата, что ты такая тупая неудачница, просто полная дура.

Ира вдруг потеряла контроль над собой, достигла точки кипения и со всей силы ударила дочь по лицу. У Ксении потекла кровь из носа, она зарыдала, убежала в комнату, размазывая по лицу слезы. Ира тоже заплакала: было стыдно и обидно, злость куда-то ушла и теперь она не понимала, как могла поднять руку на родную дочь.

Утром Ира ушла на работу раньше, чем дочь проснулась, проблема повисла в воздухе и так и осталась неразрешенной. Еще позвонила Маша — двоюродная сестра, она работала врачом, вела занятия в медицинском институте, часто по долгу службы ездила в командировки, даже за границу, и всегда привозила для Ксюши подарки (она была ее крестной):

— Ты скажи Ксюше, чтобы зашла ко мне завтра на работу забрать подарок, а то я опять уезжаю и не знаю, когда ее увижу.

Маша работала в городской больнице, в отделении для детей с заболеваниями крови, она много видела и чудесных выздоровлений, и смертей, которые были предопределены, но привыкнуть к этому не могла: болезнь каждого маленького пациента для нее была не просто работой, а личным делом, важным и необходимым. Больше всего Маша радовалась, когда видела, что бо-

лезнь отступает и малыш счастлив и доволен, как прежде. Но она не была Богом и не всегда могла остановить болезнь, и это был ее самый страшный крест.

Ксению она встретила в холле больницы, отвела в ординаторскую. Ей хотелось поговорить, но она была на работе и не могла тратить много времени на разговоры. Мельком взглянув на крестницу, заметила, что та похудела, осунулась.

Машу снова вызвали. Ксения осталась одна в кабинете, но сидеть ей надоело, вышла в коридор. Пройдя несколько метров, столкнулась с мальчиком. На вид ему было не больше семи лет, он был маленький и бледный, на го-

нел. — Ксюша умерла, и я, наверное, тоже умру, они мне, — он махнул головой на ординаторскую, — конечно, ничего не говорят, но я сам это знаю, не дурак.

— Может, лучше скажешь, во что ты любишь играть? — Ксюша решила перевести тему.

— Прятки, догонялки, казаки-разбойники, а еще люблю, когда мы с папой и мамой приезжаем в город и ходим в парк, катаемся на каруселях и едим сладкую вату. А ты любишь ходить с родителями в парк?

— У меня нет папы, только мама, а с ней мы редко куда ходим: то она занята, то я.

— Жалко, что у тебя нет папы, но зато есть мама. Я свою очень

отчётливо осознала, насколько она плохая дочь.

Стоял август. Еще было тепло по ночам, но уже повеяло осенью, а дальше будет зима, Новый год, а у Кирилла ничего не будет. Как глупо, нет, страшно: маленький человечек только начал жить, а уже должен уйти. Он настоящий мужчина: такие взрослые рассуждения, такая нежная забота. Ксюше вспомнились ее друзья: они не рассуждают о будущем, не видят настоящего, они не задумываются прожигают жизнь, хотя каждый день может стать последним. Вот у Кирилла их вообще осталось очень мало.

Ксюша не пошла гулять, осталась дома. Когда Ирина пришла с

Поступить в институт она смогла бы при помощи Маши, но знаний у нее никаких не было. Ксюша уговорила мать нанять репетитора. Учителя были в шоке, мать не могла нарадоваться, а старые друзья крутили пальцами у виска.

Между тем Кириллу становилось все хуже и хуже: он похудел, на лице, осунувшемся и бледном, остались одни глаза, грустные и бездонные, он перестал улыбаться, конечно, он старался, но это выходило неубедительно. Ходить он уже не мог, и Ксюша возила его на коляске. Закутанный в одеяло, с дурацкой шапочкой на голове, он был похож на старичка, но не кряхтел и не жаловался.

В тот день она везла его по парку, погода стояла замечательная: октябрь радовал сухой и теплой погодой — это была прощальная улыбка лета, пестрые листья, свежий прохладный воздух и птицы в небе. Кирилл выглядел умиротворенным, у него по лицу блуждала та самая странная улыбка — детская, счастливая, он вдыхал аромат ковра, любовался бесконечно высоким небом.

— Кошка, расскажи мне что-нибудь про меня, ты же можешь сочинить сказку про любого человека, — грустные глаза смотрели на Ксюшу вопросительно, а ей вдруг стало не по себе, даже старое ее прозвище звучало по-новому, Кошкой ведь только он ее называл.

Сказка родилась в ее голове сразу же, только конец она не могла придумать, но начала рассказывать:

— Давным-давно не в нашей стране, а где-то за тридевять земель жила-была девушка. Ее заколдовала старая колдунья из зависти, и она стала вредить другим людям: не помогала родителям, воровала вещи у всех обитателей королевства и даже курила сигареты. Никто не знал, что с ней делать, пока однажды она не встретила с маленьким принцем.

Принц был волшебником, но даже не догадывался об этом. Его все любили, потому что он щедро делился с остальными добротой, а когда он познакомился с девушкой, то подарил ей розу — алую, с капельками росы на лепестках. Она так обрадовалась подарку, что, глядя на этот цветок, не могла совершать плохие поступки и исправилась. Но, к сожалению, принц был тяжело болен. Тогда она попросила у придворной колдуньи сапог-скороходы и отправилась в неизвестную страну Зелени и Света, чтобы найти там лекарство от всех болезней.

— Не рассказывай дальше! Конечно же, она ничего там не нашла. Принц умер.

Ксения покатила коляску к больничному входу. Она еще не знала, что это был их последний разговор и уже завтра ей скажут, что мальчик умер.

...На кладбище было мало народу. Ксюша не плакала, она смотрела, как холодный октябрьский ветер хватает с дорожек охапки листьев и кружит их в танце, похожем на вальс, легко и непринужденно. У нее было странное ощущение, что Кирилл не ушел, что он рядом, словно ее ангел-хранитель, а этот танец посвящается ему.

Человеческая жизнь, словно танец: у кого-то короче, у кого-то длиннее. Главное, чтобы он не был бессмысленным. Об этом она думала, кутаясь в воротник старой куртки.

Ольга ЕСЬКОВА.

ОСЕННИЙ ВАЛЬС

лове шапочка. Ксюша знала, что детям, больным лейкемией, делают химиотерапию, из-за чего выпадают волосы, ресницы, брови. Ей стало жалко этого мальчика: такой маленький и уже смертельно болен.

— Привет! Слушай, ты не видела здесь тетю и дядю, они такие большие, высокие.

— Нет, не видела!

— Это мои папа и мама, они должны быть здесь, обещали приехать, но их до сих пор нет, — у мальчика сразу стало грустным лицо, и безбровые глаза смотрели слишком серьезно.

— Ты подожди немного, может быть, они чуть позже приедут!

— Да нет, если до сих пор не приехали, значит, у них важные дела. Им просто поздно потом домой добираться, мы далеко за городом живем, — рассказал мальчик. — Папа у меня работает, откуда ему взять время, а мама с маленькой Дашкой, моей сестрой, дома. Куда от нее уедешь, когда она в коляске плачет и плачет! Да... — вздохнул он и сел на мягкий диванчик. — Меня, кстати, Кириллом зовут, можешь называть меня просто Кир, так я взрослее смотрюсь, — он протянул ей ладошку, и она показала Ксюше кусочком льда, настолько была холодной.

— Ксения.

— Сокращенно — Ксюша. Ужасное имя!

— Почему?

— У нас была кошка Ксюша, вредная. Ее даже погладить нельзя было, она сразу царапалась начинала, но я все равно любил с ней играть, — Кирилл погуст-

люблю, помогаю ей, посуду иногда мою, могу пропылесосить квартиру. А ты помогаешь маме?

— Я... — замялась Ксюша.

Ей вдруг стало стыдно. Она практически не бывала дома. Убирала, стирала, готовила мама сама. Ксюша даже не задумывалась никогда, что та устает и ей нужно помогать, ее даже кольнула эта мысль.

— Я готовлю, — соврала она.

Подумать только: детский вопрос, а поставил в тупик!

Послышались шаги, показала Маша, она выглядела озабоченной и уставшей.

— Кирилл, что ты здесь делаешь? Ну-ка марш в палату, а то медсестры ищут тебя и не могут найти, — Маша строго смотрела на него.

Мальчик легко соскочил с кушетки и побежал по коридору, на ходу крича: «Ксюша, ты приходи завтра, мы с тобой поиграем!»

— Я вижу, ты с ним уже подружилась. Славный мальчик, только болезнь прогрессирует, и мы не можем ее остановить. В лучшем случае он проживет месяца два.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Нет, мы бессильны перед судьбой и ничего не можем изменить, как бы ни хотели. Не все в наших силах.

Ксения в этот раз пришла домой переполненная чувствами. Что-то в ее душе задел разговор с Кириллом, она вдруг по-иному взглянула на вещи, даже ее жизнь предстала перед ней в другом свете. Она

работы, очень удивилась: посуда вымыта, кухня подметена, но самое главное — ее дочь спокойно спит.

Утром Ксения встала раньше матери, поэтому Ирина удивилась, когда увидела ее на кухне в такой ранний час. Когда дочь начала просить деньги, она удивилась еще больше и окончательно растерялась, когда Ксюша рассказала про Кирилла, но деньги дала.

Когда девушка вошла в палату к мальчику, он был несказанно рад.

— Ты пришла, Кошка, ты пришла! — он прыгал вокруг нее, и в его голубых глазах светилась такая радость, словно тысячи лампочек включились одновременно.

— Почему ты меня называешь Кошкой? Меня Ксюша зовут.

— Нет, ты Кошка, потому что всегда гуляешь сама по себе, я это точно знаю.

С этого дня Ксюша стала часто приходиться в больницу. Они могли часами разговаривать обо всем — о семье и доме, об увлечениях, о школе, а еще Ксюша рассказывала сказки, истории, которые где-то слышала, знала с детства или сочиняла сама, и все они заканчивались хорошо, там всегда побеждали справедливость и доброта. Ксюша изменилась: перед ее глазами был человек, который строил планы, стремился жить, но не мог осуществить задуманное, а у нее была впереди целая жизнь, и она неожиданно поняла, что хочет быть врачом.